

Александр Неклесса

Об авторе: Александр Иванович Неклесса – председатель Комиссии по социокультурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН, руководитель Группы «Север – Юг» ЦЦРИ ИАФРАН

Мир как корпорация людей

На планете разворачивается своего рода восстание личности

— У нас, когда долго бежишь, непременно попадаешь в другое место.
— Ну, а здесь, знаешь ли, приходится бежать со всех ног, чтобы только остаться на том же месте, а чтобы попасть в другое, нужно бежать вдвое быстрее.

Льюис Кэрролл «Алиса в Зазеркалье»

Смысл истории, «*мистерии поступков*» – становление человека. На планете сегодня происходит своего рода восстание личности против власти традиций и тирании стереотипов, сопряженное с бунтом элит. Необходимость ориентироваться и действовать в распределенных по странам и весям анклавах нового мира предъявляет запрос на высокоорганизованного индивида, обладающего развитым интеллектом, культурным капиталом, владеющего разнообразными искусствами и уникальными компетенциями. Мы наблюдаем пришествие личностно-ориентированного общества – людей, способных веско заявить о себе, эффективно сочетая современный инструментарий с мыслью и действием.

Кризис истории

Сложнее всего увидеть и осознать *иное*. Размышляя о грядущем, мы как-то упускаем мысль, что процесс перемен может оказаться перманентным, став новой нормой.

Провозглашенный было конец истории, не наступил ни в прошлом веке, ни в нынешнем. История, однако, споткнулась, «*время вывихнуло сустав*», в мире совершается универсальный переворот. Меняется само представление об истории как осмыслении былого, будущее становится важнее прошлого, прогностика вытесняет нарратив летописания, а эхо событий уводит за горизонт. Доминанта интереса смещается от каталогизации событий к постижению рецептуры новизны. Поток времени, вливаясь в океан рождающихся коллизий, размывает русло общей судьбы, образует дельту, разделяясь на все более многочисленные протоки и сюжеты. Искусство аналитики – углядеть в этом разнообразии новое и важное.

Что не вполне очевидно – будущее уже присутствует и прорастает в настоящем. Оно пробивает пути в идеях, людях, их намерениях, действиях. Мы создаем будущее, соучаствуя в грандиозном предприятии, интуитивно познавая контур совместно возводимого здания, разрабатываем проекты и воплощаем фрагменты футур-истории. Изменяются системы управления, география центров влияния, возникают субъекты действия, слабосвязанные с прошлым, проявляются неформальные персонажи, играющие по своим, не слишком внятным для остальных правилам. А столь часто поминаемая *глобализация* сопровождается *индивидуацией* – генерацией людей нового века. Ключевых же игроков у истории сегодня два.

Во-первых, пассионарная волна интернационального многолюдья. Численность людей на планете в прошлом веке прирастала миллиардами, росла сумма активных индивидов, существующих между ними связей, переплетающихся и автономных сюжетов. С какого-то момента инертные прежде массы приходят в движение. Глобальная индустриализация, демократизация, деколонизация, наличие современных транспортных средств, устройств и услуг, обилие и разнообразие коммуникаций, их ценовая доступность, скорость и универсальность распространения информации резко повысили интенсивность и объем взаимодействий, отменяя пространственные ограничения. Государственные границы становятся менее значимыми, проницаемыми, постепенно исчезая с карт повседневности. Массы – перемещаются и перемешиваются, индивиды – устремляются и развиваются, фанатики и партии декларируют собственные претензии миру, порой убийственным образом, эксплуатируя ресурсы «культуры смерти». Антропоток беженцев заливают Европу (и не только), растворяя и переплавляя прежний строй.

Восстание масс обретает второе дыхание, подрывая социальные и другие стандарты. Но главное – это *бурлящее многолюдье*, замесив решительностью культурные установления современности, получило доступ к эффективным инструментам, созданным гением технической цивилизации. Причем используются как конструктивные, так и деструктивные возможности: магнаты и социопаты, террористы и хакеры также обустройства сценарии перемен, соучаствуют в борьбе за свою версию будущего, используя технические и технологические достижения эпохи.

Антропологическая революция

Другой игрок – личность нового типа. Мы определяем будущее и познаем судьбу, испытываем шансы и осмысливаем риски, отходя от стереотипов и обобщений.

В антропологической вселенной зажигается, мерцает, гаснет множество звезд, а в предпринимательской сфере властно утверждается влиятельный персонаж – *manterpriser*, человек-предприятие. В числе оных – Илон Маск (SpaceX; Tesla), энигматичный «Сатоши Накамото» (Bitcoin), Ма Юнь (Alibaba Group), Джефф Безос (Amazon, Blue Origin), Сергей Брин и Ларри Пейдж (Google), Билл Гейтс (Microsoft), Марк Цукерберг (Facebook), Ричард Брэнсон (Virgin), Уоррен Баффет, Майкл Блумберг, Шелдон Адельсон, Ли Кашин, Карлос Слим, Мукеш Амбани, Азим Премжи и подобные им. Личностный суверенитет изменяет рубежи лояльности, трансформирует принадлежность к сообществам, усложняет коды практики.

Россия, фактически, состязается сегодня не с Европой, США или Китаем, а с обобщенным «Илоном Маском», но для нее это не вполне очевидно. Вот кейс из хроник нового века, своего рода «письмо из будущего». Примером возможностей частных инициатив в техносфере и социальной среде с некоторых пор служит деятельность инициированных Илоном Маском корпораций Tesla и SpaceX, расширяющих образ практики, вводя в общественное сознание и повседневность электрические и беспилотные автомобили, частные космические запуски, гиперлуп (вакуумный поезд) и т.п. Некоторое время назад Илон Маск подал в американскую Комиссию по связи заявку на организацию орбитальной спутниковой сети для глобальной коммуникации, намереваясь запустить несколько тысяч спутников. В результате жители Земли получат

доступ к беспроводному спутниковому интернету со всеми вытекающими следствиями (т.е. универсальный, независимый от земных сетей доступ к информации и связи).

Кризисность истории предопределена перепадами гравитации будущего, воздействующей на практику. Переход от индустриальной эпохи к высокотехнологичной формации, хай-хьюму и нелинейной новизне не просто меняет, но драматизирует, приватизирует и мультиплицирует историю. Национальное государство как институт сохраняется, однако его значение девальвируется, удельный вес в политической среде снижается. Новое общество стимулирует трансграничность, кооперацию, синергию официальных и частных форматов, развивая их партнерство и конкуренцию. Акцент, однако, переносится с регламентированных, обезличенных бюрократических учреждений на мобильные коалиции, амбициозные корпорации, созвездия интернациональных талантов, демонстрирующих проактивность и предприимчивость, реализуя переход от обобщающих деклараций к персонализированному управлению событиями, используя сопряжения с будущим – технологическую, социальную, правовую новизну, умение действовать в условиях перманентного транзита. Доминантные взаимодействия и конфликты будут происходить внутри данного слоя.

Современное мироустройство, не выдерживая перегрузок от умножения масс и развития технологий, социокультурного разномыслия и возможностей техногенной цивилизации, преобразуется, расширяя спектр политической организации, меняя типологию внешних связей. В грядущем строе модифицированные кланы, трансграничные группы, возглавляемые эффективными менеджерами, получают преимущество при специфической запутанности и проницаемости мира. А «объявления войн» могут подразумевать разный смысл и носить частный характер. Сложившиеся же ранее институты и протоколы играют все менее значимую роль. Императив новизны решений и скорости их принятия конфликтует с генезисом девиаций и ценностной неопределенностью транзита. Государственная власть как ограждение, удерживающие подвижное многолюдье от экстримов практики с некоторого момента существенно ослабевает.

Комфортная цивилизация – это преходящая иллюзия. Растет число пробелов, проблем и бифуркаций, повышается уровень рисков, сложность и неопределенность процессов, в теле цивилизации образуются червоточины и умножаются альтернативы. Удержание равновесия в подобной среде представляется все более сомнительным: планетарная конструкция напоминает перегретый котел, приподняв крышку которого, видишь мир, приближающийся к турбулентности.

Бунт элит

На планете идет обширная перестройка институтов. Касается это не только международных систем управления и корпораций, военной организации и нового формата социально-деятельных молекул («семьи»).

Мы наблюдали девальвацию и обрушение обезличенных партийных структур параллельно с генезисом персонализированных надпартийных предприятий: феномены Дональда Трампа в США, Эммануэля Макрона в Европе, равно как прочие признаки и призраки гуляющей по миру политической реконфигурации, включая «чудо Brexit'a».

Что такое, в сущности, победа Дональда Трампа? Во внутренней политике – пример прямого действия коалиции влиятельных персонажей, социополитическая и стилистическая революция. И яркий симптом перемен, в данном случае – кризиса политического истеблишмента США в том виде, в каком он существовал. Ситуация с нараставшим правым консерватизмом также должна была найти некое разрешение (хорошо темперированное подобие «американской весны»). Во внешней – Америка переходит от стратегических обобщений Обамы в русле идей глобального лидерства к практике глобального доминирования и геοэкономического действия, властно корректируя перемены. По сути, это провокация утверждающейся реальности против институтов мировой бюрократии, эксцесс персоны. Brexit же, восточноевропейское ворчание и национализация панъевропейской идеи, равно как другие континентальные пертурбации, – аналогичные знамения перемен, кризиса унифицированных бюрократических и идеологических механизмов, но уже Европейского Союза.

На наших глазах происходит приватизация будущего. Политическая практика, опирающаяся на бюрократизированные, олигархичные структуры управления, проигрывает историческое соревнование с инструментально аранжированным обществом мотивированных индивидов, интегрированных неопознанной культурой. Возникли и умножаются децентрализованные, неподконтрольные государствам высокотехнологичные финансовые системы, чей центральный банк смещен, если не в область «криптофизики», то деятельной абстракции. Яркий пример – рынок криптовалют: старый и новый (cash) биткоин, разделившийся эфириум, рипл, лайткоин, даркоин, прочие альткоины. В различных местах появляются фабрики по их производству, биржи по котировке, центры конвертации. Кстати, те, кто лет семь назад вложил несколько сотен долларов в экзотичный финансовый инструмент, несмотря на высокую волатильность, сегодня являются долларовыми миллионерами.

Вот еще кейс – американская администрация какое-то время размышляла над идеей замены остающихся в Афганистане армейских частей на обеспеченный сложной техникой контингент частных консультантов, причем с существенным экономическим эффектом. По сути, речь шла не просто об использовании ЧВК, но комплексном аутсорсинге военной пассивации региона. Нечто подобное просматривается, кстати, в логике становления российского ООО «Евро Полис» («ЧВК Вагнера») с поправкой на разнообразие олигархических стратегий и подчиненностей подобных структур. Оптимизируются решения и других задач посредством приватизации привычно государственных в прошлом функций: частные тюрьмы, разведка или тот же частный космос.

Значение *геополитики* между тем ослабевает, из военной сферы она перемещается в область транспортных/энергетических коммуникаций и далее трансформируется в *геοэкономические* конструкторы – сегодня контроль и управление деятельными пространствами важнее обладания земными территориями. Экономика, культура, интеллект выходят на первый план. Социокультурная гравитация трансформирует картографию человеческой вселенной (*геοкультура*). Если же пристальнее взглянуть за горизонт текущих событий, приоритет придется отдать *геοантропологии* – сумме процессов и ситуаций, возникающих при распределении и перераспределении человеческих ресурсов на планете с учетом их качественных характеристик.

Борьба за будущее

История России последних десятилетий по-своему отражает трансформацию практики. Вслед за крахом партократичных структур советского государства-организации мы наблюдаем кризис российского госаппарата, все чаще функционирующего в режиме ручного управления. Феномен «теневое политбюро» и провокативного руководства Владимира Путина подтверждают тенденцию.

Реконструкция России так или иначе неизбежна, практически все ситуации транзитны. Есть логика больших систем, можно что-то приблизить или отсрочить, но избежать нельзя. Вопрос не в том, имеется ли решение, вопрос в его опознании, характере, цене и последствиях. Критическое значение, однако, имеет выбор эволюционной стратегии – вектор движения важнее скорости, но и на перспективном направлении продвижение требует усилий.

Преобразования – вынужденный результат кризисности и дестабилизации. Недавно прошла рябь кадровых изменений, грядет волна все более обесценивающихся деклараций, конъюнктурных мер и латающих систему преобразований, которые изберут к добру или худу. Умножение нерешенных проблем, между тем, превышает возможности эффективной адаптации нынешнего модуса управления и кадрового корпуса к сумме критических обстоятельств. Перегрузка же централизованной модели влечет умножение региональной и олигархической самостийности при сохранении оммажа тускнеющей оболочке. Следующая полоса пертурбаций – федерализация этнополитического ландшафта, городская революция, социальная дестабилизация. Неочевидная хрупкость эклектичной ситуации становится явной с исчерпанием способов экстраверсии проблем, истощением искусства имитаций и пропагандистской мимикрии, переходом к жестким проекциям власти. Последнее прибежище управленческой мегаломании – грезы о десоверенизации окружения, Wunderwaffe, «лебединых фермах» и т.п., отражают уже не столько приязнь к негативной диалектике и профанированной апофатике, сколько ресентимент и помрачение духа.

Подобно ряду постсоветских и постколониальных сообществ Россия оказалась в полосе отчуждения от реальных вызовов времени. Ее политические нестроения – следствие проблем, связанных в том числе с имперской деконструкцией и национальной реконструкцией, но не только. Национальная самоидентификация и реабилитация реализуются посредством политического, культурного, морального переворота и личностной реституции. Обретение будущего – возможность, не гарантированная движением стрелок (в традиционных часах они идут по кругу), его можно как обрести, так и утратить. У социального времени иной циферблат, другая шкала расчетов: будущее обретается, употребляя усилия, исправляя огрехи, однако прошлое способно к агрессии и экспансии. Испытывая дефицит общественной самоорганизации, культурного и морального капитала, «звезд в ночи», страна пребывает в интеллектуальной, социальной растерянности и лабиринтообразной симуляции продвижения.

Определенный ресурс для цивилизационной синхронизации, ухода от неоархаизации и превращения страны в динамичную политическую нацию – размышления над траекториями провалов/достижений постсоциалистических стран и 14-ти (и более) субъектов постсоветской суверенизации: балтийских, закавказских, центрально-азиатских, чьи исторические маршруты были так или иначе сопряжены с имперской судьбой. Особенно интересен опыт национального строительства в странах со

схожей в ряде аспектов проблематикой: Украины, Беларуси, Молдовы, но также и стран Вышеградской группы, прочих членов распавшегося «соцсодружества». Вскрывавшиеся проблемы, алгоритмы их купирования, возникавшие расколы, смысловые доминанты, проигранные взаимодействия и попытки автокоррекции элит, модели консолидации «параллельного общества», реконструкция правовой сферы, формулы регионального обустройства, – все это сведения не лишние для эффективной прописи перемен. Важна также ориентация в глобальном калейдоскопе, понимание методологических и прогностических аспектов происходящего транзита.

Мир сегодня – расколотый, динамичный пейзаж, его футуристика фрагментарна, она перемежается с экономистичной стандартизацией и лоскутной архаикой, как явной, так и декорируемой под культурную традицию, конфессиональную позицию, национальное сопротивление. Переход от традиционалистских конструкций и рации индустриализма к сложному, массово-персонализированному обществу происходит на наших глазах, но не в РФ. Сложившийся здесь формат отношений вместо морального императива, личностного роста и социального конструктивизма слишком часто демонстрирует недобросовестность, невежество, сервилизм, произвол, унижая и минимизируя столь ценимые в новом веке ресурсы: статус человека, общественные коммуникации, социальный энтузиазм. Доминантными же ценностями утвердились денежный доход и авторитетная силовая/чиновничья позиция. При этом богатство осознается преимущественно в финансовых категориях и воспринимается, в целом, не как инструмент, энергия, ресурс развития, но в количественном, компенсаторном измерении: как имущество, престиж, наследие. Достаточно вспомнить выразительное «дворцово-усадебное соревнование».

Российский народ лишен субъектности (центральная проблема), субъектом является олигархический слой, монополизировавший власть и проецирующий волю посредством формирующейся номенклатуры. Неофеодализация страны и власти, политическая и социокультурная автаркизация, милитарно-сословный строй, правовое положение в котором определяется не законом, а статусным рангом и имущественной позицией, перестают быть преувеличением, карикатурой. Соответственно сокращается спектр возможностей, сжимается горизонт планирования, обнажая кризис будущего. Потенциальный субъект перемен, являющийся бенефициаром нынешней трофейной системы (многоплановой «рентономики»), будет скорее имитировать, нежели эмитировать будущее, поскольку стремится сохранить ситуацию, сопряженную с обретенными преимуществами («приватизация прибыли/национализация убытков»), обоснованно предполагая свою уязвимость при перемене участи.

Развитие – это далеко не только успешное умножение материальных ценностей или искусство операций, но, главным образом, развитие человека, сообщества, перемен в ментальности. Россия, пережив антропологическую катастрофу, к сожалению, зачарована, иначе не скажешь, подростковой логикой и методами прошлых столетий. Но постоянно воевать против кого-то, запрещать что-то – ментальность рефлекторно-охранительного свойства, в то время как актуальная проблема – комплексная социальная терапия, неотвратимость и многообразие перемен, вариативность нелинейного будущего. Его созидание, удержание, освоение.
